

Д. Н. АЛЬШИЦ

Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве»

1

Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г. относится к числу тех военно-исторических событий, громкая слава о которых создана не мечом, а пером. Таких походов перечислено в русских летописях не одна сотня. «Частный факт военной неудачи» — вот что такое, по справедливому выражению Н. К. Гудзия, поход Игоря в степь.¹ И тем не менее в истории древней Руси немного таких военных событий, к которым в течение веков было бы приковано столько пытливого внимания, сколько к незначительному походу Игоря. Такова сила художественного слова, «свивающего славу».

При изучении реальной исторической обстановки, в которой происходили события, необходимо строго различать действительные исторические фигуры от героев художественного произведения, действительные взаимоотношения и связи от исторических обобщений автора. Между тем в литературе о «Слове» распространено смешение художественных образов и реальной действительности, особенно в связи со знаменитым обращением «Слова» к русским князьям. Оно выражается прежде всего в том, что обращение к князьям в «Слове» воспринимается как практический призыв «по коням!».²

Такое понимание представляется мне неправильным.

Призыв «Слова» раздался не потому, что Игорь потерпел поражение, а лишь по поводу этого факта, потому что автор видел и понимал положение Русской земли в целом, видел и понимал гибельность неутихающих княжеских «крамол» перед лицом окружения страны воинственными соседями.

Автор «Слова» был первым, кто в описании данных событий поднялся до понимания общерусских задач и интересов. Он, и только он, пожелал именно в этой небольшой капле, какой являлся в море событий поход Игоря, отразить существо и перспективы политической ситуации Руси в целом.

¹ Н. К. Гудзий. «Слово о полку Игореве». М., 1938, стр. 6. В «Слове» «изображено событие ничтожное само по себе» (В. Г. Белинский, Сочинения, т. VI, СПб., 1903, стр. 375), «один из эпизодов полуторавековой борьбы Руси с половецкой степью, неудачный поход Игоря в 1185 г.» (М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. — Историк-марксист. М., 1938, № 6, стр. 112).

² «Смысл „Слова“ — организовать немедленную помощь». — пишет, например, В. В. Каллаш (Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве». — Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, стр. 346).

Специфика художественного произведения обусловила показ общерусских дел и провозглашение идеи объединения через конкретный факт, через конкретных героев, через конкретные обращения к ним.

С того момента, как поход Игоря был избран автором предметом повествования и в качестве такового поставлен в фокус истории Руси того времени, — только с этого момента и в рамках данного произведения поход Игоря становится фактом общерусского исторического значения.

Для дальнейшего изложения важно подчеркнуть, что придание походу Игоря значения центрального события русской жизни и установление связи между этим походом и именами таких русских князей, как Всеволод Суздальский, Роман Волынский или Ярослав Осмомысл, являются результатом индивидуального творческого акта художника — автора «Слова о полку Игореве», существуют только в рамках этого произведения и только для тех, кто его читал. Других источников, независимо от «Слова» трактующих данные события именно таким образом, нет.

2

В источнике XVI в. есть рассказ о том, как Всеволод Суздальский организовал накануне похода князя Игоря большой победоносный поход на половцев (в действительности он не имел к этому походу ни малейшего отношения), как Ольговичи во главе с Игорем, позабывав успеху этого похода, сами двинулись в степь, где были разбиты, и как Всеволод Суздальский и Роман Волынский (опять сплошная выдумка), узнав об этом, двинулись выручать и выручили несчастных пленников. Как видим, созданная автором «Слова» версия о бездействии некоторых князей в момент, когда им будто бы надлежало действовать, показалась почему-то неподходящей писателю XVI в. И вот спустя сотни лет он выступает с опровержением автора «Слова о полку Игореве» в отношении Всеволода и Романа, создавая заведомо ложный рассказ об их выступлении на помощь князю Игорю.

Речь идет о Шестой степени Степенной книги, которая посвящена «преславному великому князю Всеволоду Георгиевичу».

Для создателей Степенной книги составление Шестой степени доставляло особенно много хлопот и беспокойств. Шестая степень должна была показать прямой и естественный переход от самодержавия Киевского, через Владимиро-Суздальское, к Московскому. Между тем для обоснования непрерывности русского самодержавия именно здесь было самое тонкое и непрочное место.

Историческая действительность того времени, отлично известная составителям Степенной книги по древним летописям, являла собой картину, как раз обратную той, какую они должны были изобразить. Им важно было показать плавный переход единой общерусской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир; на самом же деле такого перехода не наблюдалось. Киевское государство, как известно, распалось на отдельные феодальные образования, и Владимиро-Суздальское княжество было всего лишь одним из них. Более того, само Киевское государство долгое время раздиралось внутренней войной Ростова и Суздаля против Владимира, а также вело непрерывную борьбу со своими же «подручниками» — рязанскими князьями. В тяжелой и упорной борьбе вырос авторитет Всеволода, не приведший, однако, даже к концу его жизни к какому бы то ни было действительному единому самодержавию.

Ввиду этого при написании Шестой степени своего грандиозного труда составители Степенной книги должны были проявить много изобретатель-

ности для приведения рассказа в соответствие с поставленной задачей. Они вынуждены были пойти и пошли на перекраивание и перекомпановку лежащих перед ними древних памятников, на умалчивание одних фактов и подчеркивание других, на создание новых версий о событиях и на опровержение старых.

В качестве основного материала для создания легенды о Всеволоде служил Владимир-Суздальский свод, составленный в его честь. В своде до предела возвеличивается Всеволод. Однако летописцы не могли произвольно сочинять или перетасовывать факты, хорошо известные современникам, и отражали действительность более или менее правдиво. Поэтому даже владими́ро-суздальский вариант истории Руси того времени не устраивал составителей рассказа Шестой степени и подвергся ими полной переработке.³

Повествование о Всеволоде открывается в Степенной книге торжественным предисловием,⁴ которое составители сделали в основном дословно из некролога, помещенного по поводу смерти Всеволода в Лаврентьевской летописи.⁵ Затем идут различные статьи о времени Всеволода, которые по содержанию могут быть сведены к трем сюжетам: 1) дела церковные и всевозможные чудеса тех времен; 2) внутренняя борьба с суздальцами, ростовчанами и подручными рязанскими князьями и 3) в качестве главного сюжета, характеризующего Всеволода, — история, связанная с походом Игоря на половцев.

Постановка событий 1184—1185 гг., в действительности не связанных с деятельностью Всеволода, в центр повествования о нем не может не вызвать законного вопроса — в чем же здесь дело? Этот вопрос встанет еще острее, когда выяснится, что рассказ о мнимом участии Всеволода в борьбе с половцами в 1184—1185 гг. занимает столь большое место за счет умолчания о многих важнейших действительных его походах и победах.

Назовем важнейшие факты, которым была предпочтена выдумка о походах на половцев в 1184—1185 гг. Всем этим фактам посвящены большие рассказы в Лаврентьевской летописи, отброшенные составителями Степенной книги: 1178 г. — взятие Торжка,⁶ 1184 г. — второй поход на Торжок,⁷ 1184—1186 гг. — два знаменитых, доставивших Всеволоду огромную славу, похода на болгар⁸ (в Степенной книге жалкое, в полторы строчки, упоминание о походе 1186 г.),⁹ 1195 г. — поход на Киев,¹⁰ 1197 г. — поход на Ольговичей,¹¹ и т. д. и т. д.

Но самое интересное в другом. Если составителям легенды нужно было отметить победоносные походы Всеволода на половцев, то в его биографии такие походы были на самом деле. В 1199 и 1205 гг. он совершает свои знаменитые походы на половцев, подробно описанные в летописи.

Почему же составителям Степенной книги потребовалось все это опустить, почему им «не подошли» рассказы о подлинных победах над половцами и почему надо было связать имя Всеволода именно с походами 1184—1185 гг., к которым он не имел отношения? Заметим при этом, что на

³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 221—250; Лаврентьевская летопись за годы 1177—1212. — ПСРЛ, т. I, в. 2. Л., 1927, стлб. 379—437.

⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 221.

⁵ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 436—437.

⁶ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 386.

⁷ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 388.

⁸ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 389 и 400.

⁹ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 226.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 412.

¹¹ Там же.

всем протяжении Степенной книги не встречается ни одного второго случая вымышленного похода на половцев.

Если бы «Слово о полку Игореве» не дошло до нас, мы никогда не смогли бы объяснить, чем руководствовались составители Степенной книги, поступая таким удивительным образом.

3

Составители Степенной книги очень ясно показали, в какой связи им понадобился вымышленный рассказ об участии Всеволода в походах 1184—1185 гг. Этот рассказ составляет целую главу, содержание которой выражено в ее названии: «О добродетелях самодержьца и о знамени на небеси, и о победе на Половьцы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи». Как видим, интересующий нас сюжет понадобился как решающая иллюстрация добродетелей Всеволода.

Дальше идет главная во всем повествовании о Всеволоде характеристика его деятельности: «Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич, благоденственно пребывая во граде Владимире и правя скипетро Руського царствия... и всему множеству Владимировых сродников своим старейшинству, идеже кождо их господствуя. Аще же некогда нецвы от сродник его завистию побежахуся и бранию к нему прилежахуся, он же противу их вооружашеся и междуусобному кроволитию быти не даваше, но своим благосердным долготерпением и медленным пожданием брань утолше и братолубие составляше, и ему же он хотяще даруя во одержание киевское господоначание и прочая грады Русския и всех праведно управляя. И все послушаху его и покоряхуся ему».¹²

С точки зрения того, что здесь сказано, «Слово о полку Игореве» является произведением абсолютно еретическим. «Слово» с огромной силой рисовало совершенно обратное тому, что нужно было утвердить. В самом деле: в «Слове» Всеволод вовсе не общерусский самодержец, а один из многих князей. Но, что еще хуже, в «Слове» первым по значению среди русских князей провозглашается (к тому же преувеличенно) «великий, грозный» Святослав Киевский. В «Слове» Всеволоду брошен прямой упрек: «не мыслию ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти!», упрек в равнодушии к киевским делам, в частности к борьбе южнорусских князей с половцами.

Все это как нельзя больше противоречит создаваемой Степенной книгой легенде о Всеволоде — общерусском самодержце, о Всеволоде, дарующем «во одержание киевское господоначание», о Всеволоде, возглавлявшем борьбу с половцами. Все это требует ответа и опровержения в официальном памятнике, который должен отныне на века покончить с прежними заблуждениями и утвердить единственно «правильную» версию истории Руси.

Прежде всего надо было развенчать Святослава Киевского, вознесенного «Словом» на действительно незаслуженную высоту. И развенчать не вообще, а развенчать именно в той роли, в какой его превознесло «Слово». И мы действительно читаем в Степенной книге удивительный рассказ о знаменитом победоносном походе князей на половцев накануне похода Игоря; организатором похода был, оказывается, вовсе не Святослав Киевский, а Всеволод Суздальский.¹³ В походе участвует князь, по имени Святослав Всеволодович, но вовсе не тот, что на самом деле, а сын Всево-

¹² Степенная книга. — ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 225.

¹³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 225—226. Здесь поход датирован 1186 г.

лода, посланный своим великим отцом. Зато в отношении Владимира Глебовича, являвшегося родичем и подручным Всеволода, сохранен правдивый летописный рассказ вместе с описанием его геройских дел. В летописи по именам перечислены еще шесть князей, пошедших вместе со Святославом Киевским. В Степенной книге все эти имена скрыты за формулой «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы скрыть южнорусский состав участников похода и создать впечатление, что поход и по составу участников был владимиристо-суздальский. Дальше идет довольно точный пересказ летописного описания похода, повторяющий даже явно ошибочную цифру летописи о 417 половецких князьях, захваченных в плен. Заканчивается рассказ следующими словами: «Сие преславно победу паче надежда даруяй бог православным, на поганья враги ходящих по повелению старшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так, официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки «Слова»: «... отец их — Святослав грозный, великий, киевский — грозою бяшет притрепал своими сильными плъки и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльмы и яругы, взмути реки и болота. . . А поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких яко вихрь, выторже. . . Ту немцы и венецици, ту греки и морава поют славу Святославу».¹⁴

Степенная книга «славу Святославу» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло «притоптать» другой, недопустимый с точки зрения составителей Степенной книги момент «Слова» — содержащийся в нем прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря, к факту самому по себе незначительному, но вознесенному в «Слове» на огромную высоту.

И вот, вслед за описанием победы князей, «ходящих по повелению. . . Всеволода», идет такой рассказ: «О зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».¹⁵ «Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволожа повеления, уповающе собою, идоша на половцы и многу сотвориша победу и за Дон устремишася в самыя луки моря, хотяще до коньца победити их, забывше божие строение, яко же негде пишет: «никто же уповая собою спасетсся» и в Лукоморие словохотием приидоша и сами от половець победишася и без вести быша, дондеже гостие неццы возвестиша сия на Руси, благосердый же самодержецъ Всеволод умилосердися о них и, Богом подвижаем, сам подвижеся на половець, всячески тыщася освободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю».¹⁶

Вот, оказывается, как было дело. Автор «Слова» лукавил, когда писал о Всеволоде: «не мыслю ти прилетети издалеча отня злата стола поблюсти». Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей, т. е. Игоря и его родичей; «егда. . . позавидеша» Всеволоду и «кроме его веления», они пошли на половецев. Связь между именем Всеволода и походом Игоря, родившаяся в сознании автора «Слова» — «не мыслю ти прилетети издалеча. . .» — нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения. Интересно, что слова «половцы же и с вежами своими бежа к морю», заключающие вымышленный рассказ о походе Всеволода на помощь Игорю, сами по себе не вымышленны. Они взяты составителями Степенной Книги из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на

¹⁴ «Слово о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Петт. М — Л, 1950, стр. 18.

¹⁵ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁶ Там же.

половцев в 1199 г.¹⁷ Это ясно указывает, насколько сознательно, с какой тонкостью в стремлении создать впечатление правдоподобия проводили составители Степенной книги подмену подлинных фактов желательной для них версией.

Если после всего сказанного у кого-нибудь еще могут оставаться сомнения в том, что рассказ Степенной книги непосредственно отвечает на «Слово о полку Игореве», то дальнейший текст уже не оставляет никакой возможности для того, чтобы сколько-нибудь разумно в этом сомневаться.

Писатели XVI в. решили защитить от обвинений в бездействии, выдвинутых в «Слове», еще одного князя, который, так же как и Всеволод, в действительности не имел к этому событию никакого отношения и только по воле автора «Слова» оказался вместе со Всеволодом в числе князей, упомянутых в «Слове о полку Игореве».

Цитированный выше рассказ о том, как Всеволод ходил выручать Ольговичей, продолжен таким образом: «... князь же Романь Мстиславичь Галичский, внук Изяславль, правнук Мстислава Владимерича Манамаша, взя вежи Половецкия и множеству плена христианского возврати».¹⁸

На вопрос: почему из трех «больших» князей, к которым обращался автор «Слова», в Степенной книге дано отпущение «греха» только Роману и Всеволоду, а Ярослав Осмомысл не упомянут, — ответ дан в самом тексте: Роман — потомок Мономаха, к тому же родственник Всеволода по жене. Материал для этого рассказа взят в Лаврентьевской летописи под 1202 г., где описан поход Романа на половцев,¹⁹ и искусственно привязан к событиям, относящимся к походу Игоря.²⁰

4

Отношение между «Словом о полку Игореве» и легендой о Всеволоде такое же, как между голосом и эхом. Второе не может возникнуть само по себе — оно отголосок первого, но отголосок искаженный.

Официальные книжники XVI в. признали силу «Слова о полку Игореве», так как в выборе материала для своего построения пошли не за действительностью и документами, а за автором «Слова», избравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая для себя возможным пройти мимо «Слова» они пустились в прямую полемику против изображения автором «Слова о полку Игореве» трех его весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происшедших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

«Слово о полку Игореве» не только в этих пунктах, но и в целом должно было приттись не по душе составителям Степенной книги. «Слово» наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобщения и междоусобиц, которую сочинители Степенной книги старались скрыть и заменить картиной единой державы. «Слово» возмущало их своим

¹⁷ ПСРЛ, т. I, в. 2, стр. 414.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 418; т. XXI, ч. 1, стр. 226.

²⁰ Составители Степенной книги постоянно пользуются произведениями древней русской литературы как материалами для компиляции нужных им текстов. Ср., например, два плача княгини Ольги об Игоре, сделанные составителями Степенной книги из плача Евдокии — «Слово о житии... великого князя Дмитрия Ивановича...». «Этот пример указала В. П. Адрианова-Перетц в статье о данном житии, помещенной в т. V ТОДРА (М.—Л., 1947, стр. 93).

пренебрежительным отношением к Владимиру Мономаху, родоначальнику царствующего над ними дома. Наконец, составителям Степенной книги — митрополиту Афанасию и его духовным сподвижникам — должны были претить языческие элементы, щедро рассыпанные в «Слове».

Сказанное позволяет сделать вывод: появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рассказа об исторических событиях XII в., являющегося прямой контрверсией «Слову о полку Игореве», рассказа совершенно непонятого и немыслимого независимо от этого памятника, доказывает, что «Слово о полку Игореве» было хорошо известно составителям Степенной книги.

Этим еще раз доказана несостоятельность точки зрения о том, что «Слово» — искусная подделка XVIII в.

В 1953 г. была опубликована статья А. В. Соловьева «Новые следы повести об Игоре в древнерусской литературе». В этой статье А. В. Соловьев указывает на следы «Слова», содержащиеся в житии Ярослава Всеволодовича, помещенном в Степенной книге. Следы эти А. В. Соловьев, на мой взгляд справедливо, видит в словах «Славная река Днепр» и «Славные куряне».

Интересные наблюдения А. В. Соловьева, к сожалению, не могут считаться подтверждением моего вывода о знакомстве составителей Степенной книги со «Словом». Указанные им заимствования из «Слова» попали в Степенную книгу не прямо из этого памятника, а в составе отрывка жития Ярослава Всеволодовича, составленного, как пишет А. В. Соловьев, в XIII в.²¹

²¹ A. V Soloviev New traces of the Igor Tale in Old Russian literature — Harvold slavic Studies Cambridge, Massachusetts, New York, 1953, vol. I, стр. 73—80.